

**АБУЛАДЗЕ
ИЛЬЯ ВЛАДИМИРОВИЧ
(1901-1968 гг.)**

Грузинский филолог, арменовед, палеограф, лексикограф. Доктор филологических наук (1947 г.), член-корреспондент АН Грузии (1950 г.).

По его инициативе в 1958 г. был основан Институт рукописей АН Грузии им. К. Кекелидзе (ныне Национальный Центр Рукописей Грузии), первым директором которого он стал (1958-1969 гг.).

В 1937 г. вышел его труд «Иованнес Драсханакертци» - одно из наиболее капитальных грузинских исследований в области арменоведения. Он долгие годы работал в Эчмиадзинском книгохранилище Армении, где в 1937 г. во время изучения армянских рукописей им были обнаружены письмены на языке кавказских албанцев. На основании одной из рукописей (№ 7117. Собрание Матенадарана им. Месропа Маиштоца (Ереван)) им был синтезирован албанский алфавит. Итоги проделанной работе он подвел в труде «К открытию алфавита кавказских албанцев». В 1938 г. издал «Мученичество св. Шушаники» (арм. и груз. тексты; Тбилиси, 1938).

Изучив трактат Мхитара Гоша «О грузинах», раскрыл значение этого документа для исследования монофизитства и дифизитства. Значительный интерес И.Абуладзе проявлял к историографическим памятникам, отражавшим грузино-армянские культурные связи. Обнаружил и опубликовал в 1953 г. (Тбилиси) древнеармянский текст Картлис Цховреба с грузинским переводом и исследованиями.

**ЗАМЕЧАНИЯ ПО ПОВОДУ СТАТЬИ П. М. МУРАДЯНА:
«АРМЯНСКАЯ НАДПИСЬ ХРАМА ДЖВАРИ»**

**«Заря востока», 1947
<http://logos.org.ge/>**

ческим вздором, между строго научной точкой зрения и безнадежно отжившей схоластикой, между добросовестным, объективным изучением конкретного материала, правдивым освещением исторической действительности, с одной стороны, и тенденциозным ее искажением, с другой.

Ноябрь 1946 г.

«Заря востока», 1947

Илья Абуладзе

**Замечания по поводу статьи П. М. Мурадяна:
«Армянская надпись храма Джвари»**

Во втором номере «Вестника общественных наук Академии Наук Армянской ССР» за 1968 год опубликована статья научного сотрудника Института литературы им. М. Абега Акадмии наук Армянской ССР Паруйра Мурадяна «Армянская надпись храма Джвари» (стр. 55-80). Молодой ученый с обширными интересами (к истории литературы, эпиграфическим памятникам, исторической литературе и библейским текстам), и к тому же с широким историческим диапазоном (5-12-14-18 вв.), ныне берет-ся за датировку важнейших памятников древнегрузинской архитектуры.

Когда и кем возведены выдающиеся памятники древнегрузинской архитектуры – Мцхетский Джвари и Атенский Сиони – уже давно является предметом научных изысканий. Кто только не касался этого вопроса – грузины и иностранцы, историки, филологи и архитекторы досоветского и советского периодов. Ранее этой проблемой занимались больше историки и филологи, сравнительно позднее втянулись в это дело историки архитектуры, непосредственной обязанностью которых и является выяснение сущности архитектурных памятников и определение их места в истории архитектуры. Конечно, они должны при этом учитывать

данные исторической науки и филологии, но в сочетании с результатами собственных исследований.

В этом отношении история грузинской архитектуры имеет определенные достижения. В капитальном труде акад. Г. Н. Чубинашвили¹, являющемся плодом многолетних наблюдений и изысканий, на основании огромного количества фактических материалов и детального анализа, выявлена сущность упомянутых памятников грузинской архитектуры и определено их место в истории как грузинской архитектуры, так и архитектуры христианского Востока. В этом труде не оставлен без внимания ни один материал, связанный с памятником, будь то какой бы то ни было вещественный документ, или другие какие-либо сведения на родном или других языках. Именно из этого труда узнал П. М. Мурадян о существовании того материала, на который опирается он в вышеуказанной статье для разрешения весьма трудных и ответственных вопросов.

Какого характера этот материал? Документом, который весьма своеобразно использует П. Мурадян, является грузинская надпись, исполненная древнегрузинским заглавным письмом «асомтаврული» на одной из сторон квадратной формы камня, обнаруженного при разборке новой алтарной преграды храма Мцхетского Джвари, которая детально рассмотрена в труде акад. Г. Н. Чубинашвили и справедливо признана строительной надписью.

Грузинский ученый не преминул отметить, что на другой стороне этого же камня, в верхней ее части, помещена также одна трехстрочная надпись на армянском языке, сильно поврежденная и к тому же неясно высеченная, которую ученому трудно назвать надписью и поэтому он склонен считать ее за графитти [«имеется три строки армянской надписи (?) или графитти»]². Академиком Г. Н. Чубинашвили эта надпись опубликована ко всеобщему вниманию рядом с грузинской надписью на 31-ой таблице своего

---

¹ Г. Чубинашвили, Памятники типа Джвари, Тбилиси, 1948.

² Г. Н. Чубинашвили, Памятники типа Джвари, стр. 83.

труда³.

Пропись этой армянской надписи в увеличенном масштабе, одновременно с грузинской надписью, публикует ныне и П. Мурадян.

В грузинской надписи 11 строк. Несмотря на то, что у нее повреждена левая сторона (отбиты и утрачены в среднем по 2-3 буквы в начале каждой строки), она легко восстанавливается и ясно читается. Совершенно утрачено из-за облома верхней части камня начало надписи, состоящее из двух или трех строк.

Сохранившаяся грузинская надпись читается так:

.....
.....
..... [saloc] ...
[vel]ad stefa. ...
[no]s patriki. ....
[osi]sa. demetr...
[e Âp]atosisa a. .
[drn]erse Âpa. ....
[tos]isa soÂl. ....
[Ta] da xorCT. .
[a m]aTTa meo. .
[xad] da y~lisa. .
[sax]lisa mcv. ...
[ela]d .....

Текст грузинской надписи в переводе на древнеармянский должен был гласить:

.....
.....
.....(YAU).....
AW[S STEFANO.....

---

³ Там же, таблицы.

SI PATRKI.....
DEMETRE.....
AY HIWPATOSI AT.....
RNERSEHI HIWPA.....
TOSI HOGW.....
O\$ EW MARMN.....
O\$ NO\$A I BARE.....
XAWS⁴ EW I PA{T.....
PAN⁵ AMENAYN.....
TAN\$.....

По русски:

«Крест этот Мцхетский украсили] в моление за Стефаноса патрикия, Деметре ипатия, Адрнерсе ипатия, в помощь их душам и телу и в покровительство всего рода (букв.: дома)»⁶.

Утраченные первые две или три строки, по предположению акад. Г. Н. Чубинашвили, должны были содержать следующие слова: „ესე ჯუარი მცხეთისად შევაძვევით სალოცველ...“ «Крест этот Мцхетский украсили в моле...» [что по армянски было бы: «*xaṣs ays M%xiĒayi zargare%aq (kam y*rine%aq) yau[awĒs]*», по предположению же акад. А. Г. Шанидзе нехватящие в начале слова должны были быть следующие: „შეწვებითა ღ-თისადათა აღხემაართა ჯუარი ესე სალოც...“ – «Спомоществованием бога воздвигнут этот крест в моле...»⁷ (что по армянски было бы: «*AwgnakanowĒeamb A'coy kangne%aw xaṣs yau[aw[s]*») Таким образом, нет никакого сомнения в том, что грузинский текст является строительной

⁴ Или: *l barexawsowĒiwn:*

⁵ Или: *l pahpanowĒiwn:*

⁶ Г. Н. Чубинашвили, Памятники типа Джвари, Тбилиси, 1948, стр. 83-84.

⁷ Там же, стр. 84.

„дома" или «рода», думает, что и армянская надпись, подобна грузинской, тоже строительная (ктиторская).

Так ли обстоит дело? Откуда можно заключить, что «в нем (в армянском тексте, И. А.) воспроизведено содержание грузинской ктиторской надписи»? (стр. 60).

По мнению П. Мурадяна, в утраченной части армянской надписи, которая предшествовала сохранившейся, по аналогии с грузинской можно было ожидать перечисления ктиторов, с их титулами, а также – начальных слов надписи, также, как должен был быть указан объект, для которого составлена надпись. Но, по словам автора, это составило бы громадный текст, который не мог быть помещен на месте, выделенном для надписи и, потому, его нужно было сократить. Но что именно сократить? На это автор не может дать ясного и обоснованного ответа. Он склонен думать, что когда высекалась строительная надпись, по его расчетам, из ктиторов оставался в живых лишь последний (ипатий Адарнерсе) и надпись должна была быть высечена от его имени и с его упоминанием (безусловно в сокращенном виде, так как упоминался бы только один ктитор), или же она должна была быть составлена во имя всех ктиторов в третьем лице, как-то, – по словам автора – «имеется у нас»¹⁰ (Но где? в какой надписи? Здесь почему-то опущены слова «в грузинской надписи» – И. А.).

Что же хочет сказать этим автор? По-видимому то, что армянская надпись была сделана при каких-то особых обстоятельствах или условиях, в результате каких то определенных уступок. После окончания строительства, на той стороне постамента, на которой помещена армянская надпись до высечения последней, была выбита окруженная какой-то тайной крупная армянская заглавная буква [, в которой заключен особый смысл, якобы связанный со строительством. При высечении этой буквы, по словам П. Мурадяна, было получено какое-то повеление о том, чтобы на постаменте сделать ктиторскую надпись и на армянском языке. А

---

¹⁰ П. Мурадян, Армянская надпись храма Джвари... стр. 60.

для этого, опять-таки по особым соображениям, была использована обратная и мало заметная сторона постамента креста, на которой уже была нанесена буква [и перед которой, из-за ограниченности места, строительная надпись могла быть помещена лишь в сокращенном виде¹¹.

Если мы даже согласимся с армянским исследователем в том, что его предположения правильны и к тому же, что армянский текст является ктиторской надписью, подобной по содержанию грузинской, все же возникает необходимость исследовать – действительно ли имеется в армянском тексте что-либо совпадающее с грузинской надписью? Кроме того, необходимо выявить и то, какие именно данные свидетельствуют, что сокращенный и до нас не дошедший армянский текст, помимо ограниченности места, действительно сжат по каким-то иным причинам?

Как видно из вышеприведенной грузинской надписи, после упоминания ктиторов в грузинском тексте имеется следующее продолжение: „სუღთა და ჳორცთ[ა მ]ათთა მეო[ხად] და ყ(ოვ)ლისა [სახ]ლისა მცველ[დ]“. Как соответствие этой фразы, которая на русский язык переводится так: «в помощь их душам и телу и в покровительство всего рода» (Г. Н. Чубинашвили, Памятники... стр. 84), автор статьи приводит всю сохранившуюся армянскую надпись в собственной расшифровке в следующем виде “...YRI FRKOW[[EAN YW{}]AT(A)KI HOGW[O\$] ARNO\$ EWS”, что он переводит так: „во спасение [ ]а, а также в память рода“¹².

Со словами «Во спасение [ ]а» П. Мурадян сопоставляет из армянской надписи: «...yri frkow[ ]ean)», что по грузински значит «...ის(ა) ჳხნისაღსა», а для слов „а также в память рода“ из армянского соответственно остается «[yi} at(a)ki hogw[o%] arno% eas», т. е. по грузински „საჳსენებელსა სუღთა

---

¹¹ Там же, стр. 61.

¹² П. Мурадян, Армянская надпись храма Джвари..., стр. 61.

სახლთადაცა". Такая операция с фрагментом армянского текста неправильна, во-первых потому, что в переводе совершенно пропущено самое несомненное и ясное слово «Hogw[o%]», т. е. по грузински „სუღთა", по русски „душ" (при этом, по нашему мнению, слово действительно совпадающее с грузинским) и, затем, потому, что значение и форма слова *arno% расшифрованы исключительно своевольно.

Если бы можно было заметить наличие подсказа грузинского текста при высечении армянской надписи, как это пожалуй, каким-то образом можно допустить, то следовавшего за словом «სუღთა» («hogwo%»), «ჯორჯთა», т. е. «тел», в армянском должен был дать marmno% искажение чего мы могли бы искать в форме *arno% армянской надписи. Манипуляции со словом *arno%, предлагаемые автором, якобы *arno% – *«род» должно быть получено из диалектной формы arin/arown литературного слова ariwn (genet. arean) – „кровь», «род» и, притом, с изменением типа склонения в следующем виде: ariwn→arin/arown→*arnoy (вместо литер. arean)→*arno% – (genet, plur.), абсолютно не могут быть приняты, пока подобные суждения не будут подкреплены аналогичными примерами (хотя бы одним) оканчивающимся на -iwn и при этом явно претерпевшим те изменения, которые допускаются для ariwn-а. Такое разъяснение, мягко выражаясь, может быть лишь плодом определенных тенденций.

Утверждение того, что якобы слово *arno% должно передавать значение слова „სახლია" („дома", „рода") грузинского текста, в смысле родственников *по крови*, также весьма искусственно, так как такие взаимоотношения в других случаях и в армянском обычно передаются словом town (tan), т. е. словом соответствующим грузинскому „სახლი" «дом»), а не каким-то

*arno%-ом¹³.

Не может быть понято как подсказ для применения армянского слова frkow]ean слово грузинского текста „მეობად“, поскольку армянское слово frkow]iwn соответствует русскому «спасение» а не грузинскому „მეობ-მეობებად“ которому в армянском соответствует только barexawsow]iwn, а не frkow]iwn (если в подчеркиваемых П. Мурадяном (стр. 59) грузинско-армянских текстах „მეობად“ он сопоставляет с frkow]iwn-ом].

Таким образом, ни одно из армянских слов дошедшей до нас армянской надписи (кроме hogwo%), связь которых со

---

¹³ Измышление нового содержания для древнегрузинских и древнеармянских слов или терминов, с целью мнимого подкрепления своих предвзятых воззрений, свойственно П. Мурадяну и в других случаях. Для иллюстрации этого достаточно упомянуть один из его трудов напечатанный совсем недавно в 1 номере «Историко-филологического журнала» за текущий год, под названием: «К вопросу об оценке греческих и грузинских редакций «Типика Григория Бакуриани» (на арм. яз.). Здесь он слово „მამულო“, которое должно быть переведено как «hayreniq» или «hayreni erkir», т. е. „родина“, родной край“ передает новоармянским Kalowacq, которое соответствует грузинскому „მამული-ქონება“, т. е. русскому „имение“ (стр. 108).

Таким же недоразумением от начала до конца нужно считать его утверждение, что в древнегрузинской богословской литературе слову *სურვი*“ везде соответствует слово „სურვი“, а в „Типике“ Григория Бакуриани вместо этого якобы отмечается „თავად“ которым, по мнению П. Мурадяна, передается „с заметным подчеркиванием господствующее в светском понятие“ („nkateli =ndgcvowm & a}xarhakan tiroj haska%ouow]iwn=„) и «что это обстоятельство может оказать услугу для уточнения времени возникновения или перевода существующей грузинской редакции» (стр. 115, прим).

Слово „თავად“ как в „Типике“ так и в других произведениях древнегрузинской литературы обычно соответствует древнеармянскому *inqn, inqnin* т. е. „თვით“ – „сам“.

словами грузинской надписи желает видеть П. Мурадян, не оправдывается. Все это насильно притянутые измышления, явно тенденциозные.

Вот на таком туманном документе с неустановленным текстом, значит и неуточненным содержанием, полных противоречий собственных рассуждениях и неправильном понимании древнегрузинского языка строит П. Мурадян очень далеко идущие соображения. Несмотря на свои обещания, автор даже не сумел точно передать надпись и определить ее и, главное, не смог найти увязки между вычитываемыми им словами так, чтобы не урезать “hogwo%” „სუღთა“ «душ»), или не придать что-то с добавлением своих необоснованных комментариев (*arno% „სახლობა“ и др.).

Какими намерениями движим автор, пытающийся путем подобных урезываний, а в большей степени – путем собственных сомнительных предположений, искать истину? Этими намерениями он старается, во чтобы то не стало убедить читателя, что строительство Мцхетского Джвари было начато в первом десятилетии VII века и закончено во время ипатия Адрнерсе, около 642 года, что архитектором этого храма является армянин, чье имя было затушевано в силу конфессиональных или каких-то иных соображений. А это оказывается, выражается, во-первых, в том, что его рельеф, помещенный под куполом, оставлен без надписи, так как эта надпись должна была быть высечена на армянском языке и, во вторых – в том, что на той стороне постамента креста, на которой помещена в сокращенном виде армянская надпись, строитель ранее намеревался поместить лишь надпись, повествующую о его имени или о его заслугах; такую надпись он даже начал вырезать достаточно видным и особенным шрифтом, но ему удалось высечь лишь начальную букву своего имени], так как ввиду полученного повеления (по-видимому правителей – И. А.) было решено вырезать на мало заметной стороне постамента на армянском языке ту же надпись, которая была высечена на грузинском языке на одной из особенно заметных сторон этого же

постамент.

Далее, в связи с таким повелением, начинание архитектора застопорилось, уже не могло быть осуществлено. При этом не могло быть полностью выполнено и само это повеление, чтобы данная надпись по величине была равна грузинской, так как и место перед «окутанной тайной» буквой] не давало возможности для того, чтобы строительная надпись на армянском языке была воспроизведена с той же полнотой, как грузинская. По этой причине, оказывается, она вышла сокращенной, и это видно как из, якобы, схожих мест грузинского и армянского текстов, так и из утраченной (обломанной и уже не существующей) части армянской надписи, на которой не мог быть помещен равный по объему грузинскому армянский текст (т. е. перевод). Здесь, опять-таки по предположению исследователя, сокращение должно было коснуться поминаний Степаноса и Деметре, так как их уже не было в живых в то время, когда по распоряжению ипатия Адрнерсе на постаменте высеклась ктиторская надпись (см. стр. 59- 61).

Армянская надпись, по словам автора, «является повторением ктиторской надписи с сокращенной передачей ее в начальной части, отбитой ныне» (стр. 61). Сокращения, по предположениям исследователя, осуществляются в армянском в соответствии с реальной действительностью. Так, напр. «...yoi frkow[]ean]», что означает фразу «во спасение кого-то», относится к Адрнерсе, так как во время исполнения надписи оставался в живых только он, а “[yi] at(a)kui (sic) hogw[o%] arno% (sic) ews”, что подразумевает „поминание чьих-то душ” в переводе автора значит: «а также в память рода», т. е. уже «поминание» рода патрикиев, ипатиев, а не «спасение», так как имеются в виду уже усопшие патрикий Степанос и ипатий Деметре.

Почему уделяется так много внимания и сочиняются предположения за предположениями относительно столь фрагментарной, крайне туманной надписи и помещенной в конце нее на отдельной строке единственной букве [которая оказывается выполнена особой, выделяющейся резьбой и манерой? Такое при-

лежание автора объясняется желанием доказать, что архитектором Мцхетского Джвари также как и Атенского Сиона является армянин и притом не кто иной, как сам строитель Атенского Сиона в лице архитектора Тодосака, который по исчислениям автора, к 40-ым годам VII в. закончил Джвари и вслед за тем взялся за строительство Атенского Сиона.

То, что Атенский Сион является слепым подражанием Мцхетского Джвари, в истории грузинского зодчества давно уже признано всеми и не является спорным благодаря трудам того же Г. П. Чубинашвили. Это оказывается, по словам самого П. Мурадяна, и для него является «хрестоматийной истиной». То, что Атенский Сион построен архитектором армянином, со дня выявления строительной надписи было принято почти всеми. Что вместе с этим архитектором работал мастер или мастера армяне, один из которых даже поместил под куполом Атенского Сиона свое изваяние, и это обстоятельство широко освещено опять-таки на страницах труда Г. Н. Чубинашвили (стр. 169). Им же определено время возведения Атенского Сиона, – вскоре после окончания строительства храма Мцхетского Джвари, в начале же VII века.

Каждый новый научный труд обычно или выявляет новые материалы, которые были незамечены другими, или вносит новые коррективы в замеченные, но недостаточно освещенные вопросы, или же пытается, на основе добытых им новых материалов по новому осветить или ввести новую точку зрения в область исследуемого вопроса и этим подвинуть вперед дело исследования проблемы.

Единственно, что ново в смысле выявления материалов у армянского ученого П. Мурадяна и его сотрудников – архитектора Л. Садояна и доц. А. Еремяна, это то, что на кладке стен (на квадратах), в различных местах, дополнительно к уже известным до сих пор, замечены новые знаки или клейма каменотесов, каковые замечались на стенах Мцхетского Джвари и другими, в частности акад. Г. Н. Чубинашвили, который в своем известном труде об этом памятнике привел их образцы вместе с типами знаков, заме-

ченных им же на Атенском Сионе (стр. 65). Указанные армянские ученые обнаружили такие знаки в большем числе и на квадратах Мцхетского Джвари, из которых некоторые оказались нового типа, а иногда похожими на атенские знаки.

Изменилось ли что-нибудь в результате обнаружения этих дополнительных материалов? Абсолютно ничего. И если действительно примененная в качестве каменотесного знака армянская буква означает, что ремесленник был армянином и данный знак должен быть его инициалом, то в таком случае среди каменщиков и ремесленников как на Джвари, так и в Атени было некоторое число армян. В отношении Атенского Сиона этого никто не отрицает. Его главным архитектором, согласно строительной надписи, является Тодосак (среди армянских личных имен имеющий необычайную форму), а подручным Григорий Дапс, а также будто и некоторые другие: Самсон, Амбакум и Гиорг (по мнению Л. Меликсет-Бека)¹⁴.

Что храм Атенского Сиона является безыскусным повторением Мцхетского Джвари и что его зодчим является армянин Тодосак, как было сказано выше, никогда не вызывало споров в грузинской советской искусствоведческой науке. К этому мнению, как мы убедились, ничего не добавлено П. Мурадяном. Новые нотки звучат лишь в том смысле, что, оказывается, иногда каменотесные знаки Мцхетского Джвари и Атенского Сиона схожи, что должно свидетельствовать о том, что «значительное количество каменотесов принимало участие в строительстве обоих храмов» (стр. 75).

Что касается Мцхетского Джвари, то новыми по материалам является то, что по сравнению с прежним, выявлено сравнительно больше каменотесных знаков, причем некоторые из них представляют буквы армянского алфавита, и делается вывод, что на строительстве памятника работало по крайней мере 9-10 мас-

---

¹⁴ Л. Меликсет-Бек. Армянские надписи VII века в Грузии (Атенский Сион), на армянском языке: «Известия АН Армянской ССР» № 5, 1945, стр. 3-6.

теров армян. А это, по его же словам, дает возможность предположить, что лицо, чье имя собирались высечь на постаменте креста, также имеет отношение к строительству памятника, и притом существенное, так как избранное им место требовало особой привилегии, на которую не мог претендовать обыкновенный мастер (стр. 75).

Кроме сказанного, новым является, и притом первым опытом, чтение и расшифровка армянской надписи.

Палеографическая характеристика надписи, которая в этом отношении нам кажется интересной и необходимой, совершенно отсутствует у П. Мурадяна¹⁵.

Как в вышеуказанном случае, так и здесь, на основании этих вещественных материалов, автор статьи выставляет чрезвычайно своеобразные и смелые суждения, большей частью необоснованные, построенные на столь же необоснованных предположениях.

Первое его наблюдение, что дошедшая до нас исключительно фрагментированная и поврежденная армянская надпись должна быть ктиторской, подобно грузинской, как мы уже отмечали, выставленными им документальными данными не подтверждается. При сопоставлении расшифрованного П. Мурадяном отрывка армянской надписи с грузинской, как нами было отмечено выше и снова подчеркивается здесь, текстуально совпадает лишь одно слово. Это грузинское «სუღთა» («душ») и армянское «hogw[о%]». Слово *arпо% как отмечалось уже выше, остается необъясненным, так как попытка автора истолковать его в смысле, отвечающем значению грузинского слова «სახლისა» («дома», «рода»), более чем сомнительна и необоснована; во всяком случае до тех пор, пока автором не будет найдено в армянской лексике хотя бы одно слово, претерпевшее

---

¹⁵ Это он пытается обосновать тем, что якобы: «Палеографические данные надписи так определены, что нет необходимости для приурочения ко времени строительства прибегать к их анализу» (стр. 60, прим.).

аналогичные изменения, которые П. Мурадян предполагает для *arno%-а. Также неприемлема и ошибочна попытка автора представить идентичным по содержанию грузинскому слову “*მკობედი*” армянское слово *frkow]iwn* (ср. выше стр. 6). *Попытка автора выставить армянскую надпись ктиторовской надписью исходя из представленной им расшифровки текста не имеет никакого основания, кроме того, что она помещена на постаменте, на одной стороне которого высечена грузинская строительная надпись.*

Чистейшим гаданием является утверждение автора, якобы в сочетании “...yri *frkow[]ean*” подразумевается один ктитор и притом этот ктитор является ипатием Адрнерсе, по соображениям, выставляемым исследователем П. М. Мурадяном.

Это относительно анализа текстов из области филологии.

Можно было, хотя бы вкратце, коснуться некоторых других соображений и высказываний автора исторического порядка, но не разрешаем себе в данной статье вдаваться в строго исторические изыскания, отметим лишь, что большинство из них также лишено реальной и научной почвы.

Все же, из числа подобных соображений коснемся нескольких.

Допустим невероятное и на минуту согласимся с автором статьи-исследователем-филологом и даже глубоко осведомленным в вопросах архитектуры ученым П. Мурадяном, что его предположения и соображения правильны.

Но если это так, то чем же объяснить то обстоятельство, *что маститый зодчий, по национальности армянин, строитель Джвари и Сиона, по имени Тодосак, в одном случае, во Мцхета затушёнван, там его как армянина даже не хотят указывать (не хотят даже высечь его имени), а в другом случае, в Атени, наоборот, высекают строительную надпись с его именем и помещают рельеф его помощника армянина Григория Дапса с армянской надписью под куполом храма? Разве Атени не находился на территории Картли и разве строи-*

тельство это там велось в другом веке?

Или, как объяснять то явление, что один и тот же архитектор возводит два памятника одного вида, причем первый несравненный во всех отношениях, а второй малоискусственное подражание, даже в деталях копирующее первое произведение?

Безусловно совершенно невероятно и чрезвычайно тенденциозны и другие аналогичные рассуждения автора и, главное, построены они на основе того, что помещенная на постаменте креста Мцхетского Джвари, нарочито выделенная от других букв] является инициалом упомянутого в Атенской строительной надписи [ODOSAK, подтверждением чему, якобы одновременно с другими предположениями, являются одинаковые размеры обоих знаков, т. е. букв¹⁶. Вот так палеографический анализ! Блажены верующие!]

* * *

Каковы же характер и назначение армянской надписи на постаменте креста? Она, по нашему мнению, является надписью более позднего времени (как будет показано ниже), посвященной воздвигнутому на постаменте кресту и высеченной рядом с грузинской на отдельной стороне постамента. Обычно в надписях на крестах в первую очередь отмечается, кем воздвигается крест (в надписях крестов раннего времени предпочтительно речь идет о его воздвижении), для кого воздвигается он, а затем уже, с какой целью и каково его назначение. За указанием цели или назначения, обычно следует моление, испрашивающее благодать для лица, воздвигающего крест или ктитора, или же для того лица в честь которого или во имя которого воздвигается крест – долгоденствия, жизни, избавления, спомоществования, поминания и др...

Из сохранившейся грузинской надписи не видно, кем был

---

¹⁶ Чего в действительности нет: размеры знака] в Сиони 12х8 см., а на постаменте креста в Мцхетском Джвари 10х6 см.

воздвигнут крест с надписью. По сохранившемуся тексту безусловно нужно полагать, что в обломанных начальных двух или трех строках речь шла о воздвижении креста в третьем лице: «[შეწევნიოთა ღ“თისაჲთა აღხემაართა ჯუარი ესე]» т. е. «Божией помощью был воздвигнут крест этот» и т. д.

Какова цель или назначение воздвигнутого креста, это, несмотря на незначительные утраты букв в начале строк, хорошо восстанавливается в грузинской надписи. Он был воздвигнут: «[ხალოცველ]ად სტეფან[ნო]ს პატრიკი[ოსი]სა, დემეტრე[ე] ვპატოსისა, ა[დრნ]ერსა ვპატოსისა» т. е. „[В молен]ие Степа[но]са патрики[я], Деметр[е ип]атия, А[дрн]ерсе ипа[ти]я“, несомненно в ознаменование того, что они много сделали для постройки Мцхетского Джвари; за их труды испрашивается, дабы крест был бы“, во первых, «სუღ[თა] და ჳორცთ[ა მ]ათთა მეო[ხად]» – „в помощь их душам и телу« (т. е. «был бы ходатаем их душам и телу») а, затем, «ყ(ოვლისა სახლისა მცველა] დ» – покровительство всего дома" (т. е. «хранителем всего дома или рода").

Обрывки слов армянской надписи (в самом начале надписи должно недоставать одной строки), по которым мы можем иметь лишь некоторое понятие о характере надписи, дают нам только возможность представить себе некоторым образом цель сделавшего надпись и моление – испрашивающее спасение и поминание чьих-то душ и тел, о которых речь ведется в третьем лице.

Исходя из этого, фрагментарно дошедшую до нас армянскую надпись можно было бы восстановить в следующем виде:

.....
 [..[YS] I FERKOW[[I EW YIê]
 AT(A)K HOGW[O\$ EW M]
 AR (M)NO\$ EW
 [

В сохранившейся надписи конец первого слова (последние две буквы) может быть окончанием указательного местоимения (артикля) в nominativ-е, предположительно в форме «[A]YS» в

следующей фразе [“KANGNE\$SW XA_S A]YS” – [“воздвигнут крест этот». В таком случае восстановленный выше последующий текст примет более или менее понятный вид: “KANGNE\$AW XA_S A]YS I FRKOW[[I EW YI]AT(A)K HOGW[O\$ EW M]AR(M)NO\$¹⁷ EW” – („[აღმართა ჯუარი ე]სე საკსნელად (ან: საკსრად) და საკსენებელად სულთა და ჳორცთა და“) т. е. «[Воздвигнут крест] этот во спасение, (или „во избавление») и в поминание душ и тел". Как видим, окончание не вполне ясно и стройно. Во-первых, оно производит впечатление незаконченного предложения, хотя бы даже читалось „ews" «а также» – согласно П. Мурадян. А, во-вторых, неподходящим может показаться выражение „в поминание душ и тел" (или: „души и плоти"), хотя в грузинском „душа и плоть» в молитвах за спасение, вспомоществование или помощь встречается как одно цельное, нераздельное понятие. Так напр., 1) „რადთა... დასდგე ადგილსა წმიდასა მისსა შემწირველად... საკსნელად სულთა და ჳორცთა ჩუენთა“ – „дабы... стал на святом месте для возношения... жертвы... *во спасение* наших душ и тел"¹⁸. 2) „შემოგწირეთ საკსრად და სამეოხედ სულისა და ჳორცთა ჩუენთათჳს“ – «пожертвовали *во спасение и в вспомоществование души и тела* нашего»¹⁹. 3) „სულთა და ჳორცთა მათთა მეოხად“ – „*в помощь их душам и телу*" (см. выше, стр. 172)²⁰. Сообразно с этими, думаю,

¹⁷ [M] невольно пропущено резчиком.

¹⁸ Г. Мерчул. Житие святого Григория Хандзтийского, груз. текст, введение, издание и перевод Н. Марра, СПб., 1911, стр. 8-10-III 8-10.

¹⁹ ს. კაკაბაძე, დასავლეთ საქართველოს საეკლესიო საბუთები, წიგ. I, თბილისი, 1921, გვ. 16.

²⁰ Для понятия „души и плоти" как цельного выражения, может пригодиться следующее предложение „მე, გლახაკმან სულითა და ჳორცითა, ღირს ვიქმენ დაწერად წმიდისა ამის წიგნისა“ – «Я, нищий душой и телом, удостоился написать св. сию книгу (запись писца Синайской рукописи X в № 38. G. Garitte. Catalogue des manuscrits georgiens litteraires du mont Sinai, p. 14.3).

предложенное мною чтение «yi}atak hogwo% ! marmno%» – «*в поминание души и тел*» („души и плоти“) не создает препятствия как об этом можно судить по показаниям некоторых памятников древнегрузинской литературы: а) „ვსენებანი ნეტარისა მამისა გრიგოლისი იყავნ მარადის სასო და შესავედრებელ სულისა და ჳორცთა“ – „будет постоянно предметом наших упований и убежищем *души и плоти* память в сей день блаженного Григория“²¹; б) „შევეწირენ... [წიგნნი]... სალოცველად და მოსავსენებლად თავისა და სულისა ჩუენისა...“ – „Пожертвовал... [книги]... *в моление и в поминание* себя и души нашей“²²...

Судя по данным надписей, упомянутыми молениями испрашивается милость как правило в день второго пришествия и страшного суда как для усопших, так и для живущих.

Но как видно из толкований П. М. Мурадяна, вокруг упомянутых надписей ему, видимо, не совсем подходящим кажется не только подобная формула *поминания* лиц, но даже и та из грузинской надписи, которая касается ктиторов и гласит: „სულთა დაჯორცთა მათთა მეობად“ (т. е. „в помощь их душам и телу“). А это из за того, что якобы из упомянутых ктиторов Джвари при воздвижении креста здравствует лишь один, а остальных двух и в живых нет. Но раз все они, по разъяснению автора, являются ктиторами, потому и в грузинском тексте появилась эта „обобщающая формулировка, не позволяющая, однако, их считать правителями-современниками“. Зато исправление якобы этой неясности П. М. Мурадян видит в собственной расшифровке армянской надписи, где „...yri frka[ ]ean“ – „во спасение |]a“, выделяет для здравствующего ктитора, а „[yi}ataki hogw[o%] arno% !s “ – «а также в память рода» – для усопших (Степаноса патрикия и Демотре ипатия – стр. 59-60).

²¹ Г. Мерчул.... стр. 36 1-2 -IXXXIV 1-2.

²² G. Garitte. Catalogue... p. 150 (Запись писца рукописи 979 г.).

Чтобы яснее представить сущность дела и показать, что подобные формулы моления испрашиваются и для живых и для усопших, не только обобщенно, но и отдельно, обратимся к текстам надписей.

Из надписей крестов и культовых сооружений, когда они начинаются словами „kangne%i“ – „հղթմարտյ“ – „воздвиг“ или «kangne%aɑ» – „հղթմարտյո“ – ”воздвигли”, скажем „крест этот“ или „часовню эту“, можно привести не один пример в доказательство того, что в их молениях нередко испрашивается милость как для воздвигателей памятника, так и их близких – родителей, детей, жены и других: „**В ходатайство** (или: в заступничество) души моей, жены и детей”. [«i barexawsow]iwn hogwoy imoy ! amowsny imoy ! zawaka% imo%» ЛК*, стр. 98, 1253 г. (d)]; „**Во спасение** души моей» [«i frkow]iwn hogwoy imoy», ЛК, стр. 97, 1257 г. (a)]; «Во спасение души моей и родителей» [«i frkow]iwn hogwoy imoy ! snoua%», ЛК, стр. 11, 997 г.1]; «**В вспомоществование** души моей» [«ууawgnakanow]iwn hogwoy imoy», ЛК, стр. 16, 1023 г.); «**В ходатайство** души моей и жены... и сына...» [«i barexawsow]iwn in> ! amowsnoy imoy... ! ordwoy», ЛК, стр. 125, 1283 г. (d)]; «**В поминание** мое и сыновей моих» [«i yi}atak in> ! ordwo% imo%» ЛК, стр. 87, 1244 г., (e)]; «**В ходатайство** наше и **в поминание** душ наших» [«Barexaws mez ! yi}atak hogwo% mero%» ЛК. стр. 107, 1265 г. (c)]; „**В поминание** души моей и **в ходатайство** за потомство» [«yi}atak hogwoy imoy ! barexawsow]wn араgayis» ЛК. стр. 111, 1269 г.]; «**Во спасение** души моей и **в поминание** наше и родителей наших и воспитателей» [«i frkow]iwn hogwoy imoy ! yi}atak mez ! snȷua% mero% ! snow%ouau» ЛК. стр. 121, 1279 (e)] и

---

* Летопись на камнях, собрание – указатель армянских надписей, составил К. Косманянц, СПб., 1913.

т. п. Приведенные примеры являют, что при формуле моления, когда речь идет в первом лице о „ходатайстве" (или „заступничестве", „помощи"), „спасении", «вспомоществовании» и „поминании" души какого-либо ктитора (или ктиторов), *раздельно или совместно („в ходатайство наше и в поминание душ наших»; „во спасени души моей и в поминание наше")* нельзя считать воздвигателей (часто и их родичей) усопшими.

Совершенно иное положение, когда в надписи креста, в котором упоминается достойно потрудившееся лицо или лица, для которых воздвигнут памятник, моление дается в третьем лице, например в такой формуле: «Воздвигнут крест этот... «в поминание», «ходатаем» или «в ходатайство» и во «спасение»²³. В этих случаях деятель, для которого воздвигнут крест, обычно по времени более или менее опережает своим деянием возведение памятника, воздвижение креста, что может иметь место и при его жизни, но чаще всего – после смерти.

Если мы с этой стороны посмотрим на вышевосстановлен-

---

²³ „Воздвигнут крест этот в поминане Саргиса... убитого в битве» [«kangne%aw xa/s yi}atak Sargsi...«or me"aw i paterazmi» ЛК. стр. 58, 1215 г. (р). См. также: стр. 72. 1229 г. (в); стр. 127, 1285 г. (в.).

„Воздвигнут крест этот *в ходатайство* за госп. Давида, непобедимого философа" – [kangne%aw xa/s i barexawoow]iwn tea"n Daw]l anyaur filisofayi», ЛК. стр. 29. 1144 г. (а)].

„Воздвигнут крест этот *в ходатайство* за Степ. Чонкана усопшего" – [«kangne%aw xa§s i barexawsow]iwn Stef. #*nuann njeloy», ЛК. стр. 29, 1194 г. См. также: стр. 45, 1202 г.; стр. 51, 1210 г. (е)].

„Воздвигнут крест этот святой *в ходатайство* (в помощь) Ваграма, жены его... и детей" [«kangne%aw xa§s sowrb barexaws Vahramay. amowsnoyn ivr... ! zaowaka%» ЛК. стр. 126, 1284 г. (а)].

«Воздвигнут крест этот *во спасение* Джиабуга» [“kangne%aw xa§s i frkow]iwn Znabowuay” ЛК. стр. 139, 1297; стр. 55, 1213(d)].

ную армянскую надпись, то приходим к заключению, что сказанные кем-то в третьем лице слова: «[Воздвигнут крест] этот во спасение и в поминание душ и тел» не позволяют нам считать в живых лиц за, которых возносится моление (имена которых в надписи не упомянуты). Слова же грузинской надписи «[Воздвигнут крест этот]... в помощь их душам и телу» (подразумеваются: Степанос, Деметре и Адрнерсе), позволяют нам считать их скорее живыми, а не усопшими. Это должны подтверждать и последующие слова этой фразы «и в покровительство всего рода (букв. дома)», т. е. хранителем всего рода²⁴.

²⁴ Между прочим, нмеющееся в оригинале этой фразы частично поврежденное слово „სახლისა“ – „дома" (в синтагме «всего дома»), некоторые предполагают (З. Алексидзе, Книга посланий, армянский текст с грузинским переводом, исследованием и комментариями издал З. Алексидзе, Тбилиси, 1968, стр. 176-179. – и Ю. Гагошидзе), что должно читаться “[ქ-რთ]ლისა» – [Карт]лиса", т. е. [Картл]ли" [(ოვ)ლის ქ(ა)რ-თლისა“ «всего Картли»]. Думаем, что такое чтение неправильно, т. к. если мы даже признаем сочетание слов „всего Картли» термином для VII века (академик Ив. Джавахишвили в „Истории грузинского народа» 1948 г. стр. 26, такое выражение приводит по более поздним – IX-X вв. – текстам), неуместно здесь рядом с упоминанием ктиторов. Как известно из труда акад. Г. Н. Чубинашвили (Памятники типа Джвари, стр. 144-148), надпись постамента ктиторская и естественно, что в ней речь идет в основном о ктиторах. А ктиторами, кроме трех лиц (правителей) упомянутых в надписи постамента со своими титулами, были и другие, скульптурные изображения которых также представлены на стенах храма. Таковы Кобул-Степанос, Теместиа и другие, личности которых не установлены. Они, как и вышеупомянутые, являются близкими членами рода правителей и так как надпись ктиторская, то и выражение „всего дома хранителем» (или: „в покровительство» всего дома", т. е. рода), безусловно вместе с упомянутыми в ней ктиторами подразумевает также и их (т. е. членов того же дома).

Утверждение З. Алексидзе, якобы правильность его чтения “ყოვ-ლისა ქართლისა» – „Всего Картли" (что привлеченными им данными из письменных памятников древнегрузинского и древинеармянского, по моему, не оправдывается) подкрепляется и тем, что восстанавливаемая им часть слова [ქართ]ლისა, а именно недостающее начало ქართ..., должна была бы находиться, как это обыкновенно бывает с этим словом

П. Мурадян не учитывает этого, вследствие чего ему кажутся странными слова высеченного на постаменте моления на грузинском языке. Он поэтому поводу говорит: «Формула ზღვრისა და ზოგადი მათის მკობად» (т. е. «в заступничество их душам и телу»...) не может служить доказательством того, будто все они трое (подразумеваются ктитеры храма Джвари, И. А.), при высечении этой надписи живы»... (стр.71).

Но мы вновь вернемся к армянской надписи. Что же представляет собой высеченная, нарочито особой манерой выделяющаяся от основного письма армянской надписи помещенная в конце буква], которую армянские ученые считают окутанной какой-то тайной? Думаю, что она является начальной буквой слова]owin/]vin или,]owakanow]ean, обозначающего армянское летоисчисление или год, лето, которая в начале или в конце надписей иногда пишется выделяясь своим начертанием от остальной надписи²⁵. Ввиду того, что обычно буквы,

---

в древнегрузинском, под титлом, след которого, он и Гагошидзе усматривают над начальной буквой сохранившейся части этого слова (ä~tmī), совершенно неубедительно. Дело в том, что безукоризненно исполненная криторская надпись на грузинском языке, как в случае э~ätmī, слова находящегося под титлом, знак сокращенности должна была бы носить над первыми двумя буквами б~оаätmī (в крайнем случае и над началом третьей буквы. бо~ätmī, но никак не над началом четвертой, боä~ätmī, где как раз и желает видеть окончание знака титла З. Алексидзе, так энергично разглагольствующий об этом особо интересующем нас вопросе в начале 179 страницы своего труда.

²⁵ В конце или в начале надписей наряду с обычно сокращенным написанием слов]ow/]w/]v (←]owin/]vin. rowakanow]ean), – иногда с предлогом i : i row i]v, – встречаем в сочетании с предлогом i], а чаще и без этого предлога обособленно стоящую букву] для обозначения армянского летоисчисления или года; образцами этого можем привести следующие примеры из изданных за последние годы армянских эпиграфических сборников:

Из надписей Ахпата: (К. UaŠadaryan, Haubat, #artarapetakan ka'ow%vacq ! vimakan ar>anagrow]yownnerr, Erlan,1963);

обозначающие числа не предшествуют упомянутой [и также не следуют за ней, поэтому если место, на котором должны были быть размещены эти числа, не повреждено, нужно думать, что резчик выполнил ее на одной из граней постамента воздвигнутого креста в то время, когда установить дату воздвижения креста вообще было невозможно как для заказчика, так и для исполнителя, тем более, если при этом руководствовались диктовкой грузинской надписи, в которой дата вообще не представлена.

Быть может, для датировки армянской надписи нам послужит армянская палеография? Надпись, исполненная заглавным письмом, называемым по армянски «еркатагир», как мы вскользь отметили выше, палеографически кажется нам интересной. В ней

а) №45, 1200 года: “[OX[, {norhiwn A`y Mariam”;

б) №97, 1023 года: Ard orq kardayq zis, yauaw]s yi}esjiq, NHB, [;

в) №54, 1651 года: Ays ä tapan Minas Vardapetin, [, ;@;

Из подписей Санаина “К. UaSadaryan, Sanahni vanqr ! nra ar>anagrow]yownnerr, Er!an, 1957;

а) № 174, 1222 года: [OHS, Es TäR Yohans...;

б) №10, 1222 года: orb erkpaz&q srboy n}anis, yi}sjiq, [, OCä”;

в) № 157, 1634 года: “Uowkas episkopos azg&n Argow]e%i, [OZG”;

Из надписей II книги корпуса (Diwan hay Vimagrow]ean, prak II... kazme% S. G. Varxowdarian, Er!an, 1960;

а) № 30.. 1281 года: [. _L, Yanown Astowcoy ^s Yohann&s...;

б) № 13, 1271 года: Siwnea% episkopos yi}e%&q, [, NI”;

в) № 62, 991 года “...}inou ta»aris yi}ea Q`s. [NX”;

г) № 230, 1091 года: “... barex*s i Q`s. [{X”;

д) № 122, 1305 года: “...Kangne%i zxa§s, yi}e%&q i Q`s [, _CD” ;

е) № 239, 1326 года: “...l}e%eq i Q`s. [_HE” ;

ж) № 403. 1483 года: “...Astowac ouormi, [ZLB...” (всюду сличите текст с прорисьями и с фотоснимками).

(точнее говоря в 13 буквах армянского алфавита, примененных здесь), при сопоставлении с другими армянскими надписями VII века²⁶, явно бросается в глаза своеобразие начертания некоторых знаков (букв), так напр. „ho” Н (см. рис. II, 2 строка – 4 буква) более похожа на соответствующий знак строчного письма «болорагир», «цо» – Ү (см. рис. II, 3 строка – 5 буква) ближе к более позднему начертанию этой буквы в рукописи, исполненной заглавным письмом (четвероглав 887 года)²⁷, «кен» – К (см. рис. II, строка 1-3 буква с конца) на буквы рукописи VIII-IX века²⁸ и «фюр» – F (см. рис. II, 1 строка – 5 буква с конца) с своими опущенными к низу малого размера кружочками, напоминает рукописи IX-X вв.²⁹ Как выясняется, эта надпись по начертаниям некоторых знаков (букв) выходит за грани VII в. и не может быть отнесена к этому веку. Выясняется и то, что именно особого изучения требует вопрос о том, не нанесена ли армянская надпись на постаменте креста Мцхетского Джвари в совершенно другое время?

Не так уж ясно все в отношении палеографии надписи, чтобы безоговорочно утверждать: «Палеографические данные надписи так определены, что нет необходимости для приурочения ко времени строительства прибегать к их анализу»³⁰.

Что касается грузинской надписи, то она палеографически, можно сказать, исполнена почти безукоризненно. Грузинская

---

²⁶ И. А. Орбели, Баганская надпись 639 г. и другие армянские ктиторийские надписи VII века: «Христианский Восток» т. III. стр. 105-142, с VIII таблицами, СПб., 1913.

²⁷ A. G. Abrahamyan, *hay zri ! gršow]ean patmow]yownr. &Æ 88*, Erlan, 1959.

²⁸ Там же. стр. 87.

²⁹ Там же, стр. 88 (на позднюю эпоху указывает и написание «айб» – А отсутствием параллельной линии в правой части стержня).

³⁰ П. М. Мурадян, Армянская надпись храма Джвари (отд. оттиск из «Вестника общественных наук АН Армянской ССР», 1968, № 2), стр. 60.

надпись безусловно древняя, времени завершения строительства Джвари, с характерными для этой эпохи (начала VII века) начертаниями букв **Ā(v)** и **S(%)** с замкнутыми наглухо головками и, притом, вообще по своему исполнению (манере резки) сильно отличается от армянской, которая, как было показано выше, по всей вероятности, является поздней, созданной не без подсказа или некоторой диктовки грузинской ктиторской надписи.

В заключение пару слов и о том, можно ли себе представить, что после разрыва грузинской и армянской церковей (608/609 гг.), когда армянская церковь в основном придерживается монофизитского направления, а грузинская примкнула к диофизитскому течению, в центре Картли, на кресте, воздвигнутом в храме Мцхетского Джвари, точнее – на одной из свободных сторон постамента креста, была бы высечена армянская надпись и притом с куцым текстом? Вопрос ставится в этом аспекте, потому что некоторые интересующиеся этим вопросом лица думают, будто после разрыва грузинской и армянской церковей совершенно были прерваны отношения между церквами этих народов и, следовательно, невозможно было в таких условиях допустить высечение армянской надписи на постаменте креста или в какой-либо другой письменной форме на грузинском культовом памятнике.

Если мы внимательно проследим армянскую «Книгу посланий», то заметим, что Картли, и в частности ее центр Мцхета, не говоря уже о Цуртавской епархии и его кафедральной церкви и других сопредельных с Арменией т. н. святых местах, вместе с Манглиским Джвари, оказывается, сильно привлекали вообще единоверных армян, также как главная церковь Армении и некоторые другие притягивали грузин.

В «Книге посланий» наименование «Мцхетский крест» (также как Манглиский крест»), судя по некоторым контекстам, подразумевает не отдельно стоящий воздвигнутый крест, как могло бы казаться, а церковь во имя креста. Вот те контексты, которые подтверждают эти соображения:

а) Абраам каталикос армян в своем последнем, эциклическом послании пишет: «...Мы также велим это и в отношении грузин, дабы не иметь ничего общего с ними ни в молитве, ни в пище, ни в питье, ни дружбой, ни воспитательством (вскармливанием), ни хождением на молитву *к Джвари, который славится в местностях Мцхета*, ни в Манглисском Джвари и да не будут они приниматься также *в наших церквах*, а также полным отдалением (прекращением) от бракосочетания, но разрешается лишь купля или продажа, как и в отношении юдеев» (стр. 194).

Противопоставление святых мест обеих стран, когда таковые одной страны называется *церковью*, позволяет заключить, что и в святом месте другой страны (Мцхетский Джвари) также подразумевается *храм* (церковь).

б) «...Из-за его слов вы перестали ходить и поклоняться честному и животворящему *Мцхетскому Джвари* – пишет Кирион Смбаду Марзпану – молитвой [пред] которым ты был дарован отцу и матери твоим и *был воспитан пред ним* и под его предводительством и постиг добра. Но хотя вы и не пожаловали поклониться, мы все же во время каждой молитвы поминаем Вас пред святым крестом сим...» (стр. 171).

Думаю, что в данном случае в «Джвари Мцхетском», благодаря которому, по словам Кириона, Смбаду Марзпан был дарован его родителям и он был воспитан *пред ним* и достиг благ, не должен представлять просто крест.

в) Думаю также, что противопоставление Мцхетского Джвари армянской соборной церкви в первом послании Абраама каталикоса Кириону под Джвари подразумевается храм: «Отсюда хождением в *Мцхета к Джвари* и оттуда к *соборной церкви*» (стр. 164).

Эти документы датируются 607-609 годами. И если наши наблюдения правильны, то Мцхетский Джвари к этому времени уже построен.

Посредничество и сближение создавались «Святыми местами», жалуются – судя по «Книге посланий» – руководители

церквей и уверены, что с этого времени подобные взаимоотношения будут прекращены³¹.

Конечно, трудно что-либо утверждать в отношении высших слоев населения, но что касается низших, которые в «Книге посланий» именуется шинакманами и азатами, то они вряд ли изменили бы укоренившимся традициям.

Прервалась связь между официальными церквами монофизитской Армении и диофизитской Картли, но как одно, так и другое направление имели своих последователей и единомышленников в обеих странах, иногда с превосходством даже диофизитов в лице своих предводителей на церковном троне Армении. Национальный облик армянская церковь приобретает лишь после окончательной победы монофизитов в Армении с 726 года и вследствие этого другое противостоящее крыло диофизитов подвергается гонению с родной земли. С этого времени, с 20-ых годов VIII столетия, началась иммиграция армян диофизитов в соседнюю Картли и в Византию, где под влиянием местной культурной среды постепенно они утратили язык, самый характерный национальный признак, и окончательно огрузинились или слились с греками, хотя в сознании их не скоро исчезло чувство их чуждого происхождения.

Этот процесс произошел не сразу, он шел несколько медленным, постепенным путем. Диофизитская паства несла с собой утвердившиеся в своей среде национальный облик и традиции и не считаться с этим для грузинской церкви было нельзя. Этим было вызвано то, что признанные в этой армянской среде книги житий и мученичеств армянских святых (и иногда созданные в их честь песнопения) были разрешены к чтению (в исполнении) сначала, вероятно, на армянском языке, а затем в грузинском переводе (в IX-X вв.), в лоне местной грузинской церкви. В свою очередь деятели грузинской церкви в общении с ними (в IX-X вв.) тоже стараются по мере сил перевести кое-что с армянского, чего

---

³¹ Girq [u]o%. matenagrow]ivn naxnea%. "Sahak – Mesropean

не имелось в переводе с других языков³².

Грузины – переписчики рукописей и книжники в то же время и сами старались усвоить иноязычные письмена и литературу, в частности армянскую. Этим обстоятельством объясняется, по моему, существование тех приписок на армянском языке, в таких важнейших грузинских рукописях, какими являются: Джручский четвероглав, Шатбердский сборник или книга песнопений Микаела Модрекили, иногда даже модельного характера³³. Таким образом, повторяю, грузинская церковь и ее литература в раннее средневековье никогда не прерывала связей с армянскими идеологически близкими кругами с раннего периода вплоть до X века и конфессионально родственная армянская паства, т. е. ее масса и представители, всегда считалась ею своими и находила приют и заботу.

В таких условиях, я думаю, ничего не могло воспрепятствовать появлению на постаменте креста Мцхетского храма Джвари той четырех-строчной армянской надписи, которую в результате ознакомления с грузинским текстом, мог для конфессионально родственных армян высечь в более позднее время (после VII века) армянин диофизит или, если угодно, то и грузин той же конфессиональной приверженности.

Matenadaran”, Е. [iŠlis, 1901, стр. 164, 171 и 194.

³² Илья Абуладзе, Грузинско-армянские литературные взаимоотношения в IX-X вв. исследование и тексты, Тбилиси, 1944 г., стр. 01-014, 027-063, 0119-0129 (на груз. яз.).

³³ И. В. Абуладзе, Армянские приписки грузинской рукописи X века и их значение для армянской диалектологии: «Вестник Матенадарана»

Рис. 1.
Грузинская ктиторская надпись постамента
креста Мцхетского Джвари